

85	0195-01	АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ	“Старый принц”	Часть 1 “Значит – можно!”
		Вышла в свет 21.06.2002 г.		
87	0195-02	АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ	“Старый принц”	Часть 2 “Атлант”
		Вышла в свет 21.06.2002 г.		
86	0195-03	АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ	“Старый принц”	Часть 3 “Этого достаточно!”
		Вышла в свет 21.06.2002 г.		
88	0195-04	АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ	“Старый принц”	Часть 4 “Последний певец исхода”
		Вышла в свет 21.06.2002 г.		

СТАРЫЙ ПРИНЦ (Коренблит – Галич)

А. Блоку посвящается

От собеседника

Александр Галич (Гинзбург) – поэт последней четверти ХХ-го века и, видимо, закрывающий драматическое противостояние (быть может – лишь на некоторое время), которое ещё раз развязалось в начале уже прошедшего века между Поэтами и Властью. Она (Власть) как всегда победила и заметает следы преступления, а мы – как всегда потеряли могучего духом и талантом Поэта и Гражданина. А.Г. – был и остаётся, увы, до конца не признанным поэтом, равным по мастерству, драматизму и накалу поэтам Серебряного века, а между тем эта поэтическая эстафета проглядывается на протяжении всего его творчества, стоит лишь внимательно прочесть том его стихов. Но не менее важна и особенно сегодня, его гражданская позиция Борца за права человека в нашем полукOLONIALном государстве. Ведь по большому счёту величин, равных А.Г. в России нет: все измельчали и продались. Некому в полный и чистый голос крикнуть наверх: «Он врёт! Он не знает как надо!», а вниз: «Не надо, люди, бояться!». А. Галич был нашей кровоточащей Совестью, а В. Высоцкий был нашим придушенным Голосом. А теперь имеем то, что имеем: некого послушать и услышать. Но я горд, что они всё-таки были у нас.

К моей огромной радости А.Г. больше всего из поэтов любил А.Блока и от этого его творчество мне стало значительно ближе. С удовольствием и великим желанием попытаюсь открыть через Нотный портрет А.Г. для Вас его стихи, которые по разным причинам Вам не удавалось узнать до конца. Надеюсь, что они Вам понравятся в моей интерпретации.

«Последний певец исхода» – трагический герой, вынужденный петь о великой миграции народов всей Земли в поисках её безопасного клочка. Хотелось бы, чтобы этой «темы» больше не было у идущих вслед, но рано ещё об этом мечтать.

«Старый принц» – принц Духа, Совести и Чести – государств, не обозначенных на картах, но каждый знает об их существовании. Так мы и не дожили до его коронавания, но... Надежда умирает последней.

Ваш Станислав Коренблит

Часть 4 «Последний певец исхода»

- 1(55). О земле и небе – 2.37
- 2(56). Последний провожатый – 2.22
- 3(57). Последний певец исхода – 4.18
- 4(58). Засыпая и просыпаясь – 2.24
- 5(59). Опыт прощания – 1.32
- 6(60). Открытые всем ветрам – 2.32
- 7(61). Век беженцев – 1.37
- 8(62). Не всё ль равно? – 2.52
- 9(63). Как-нибудь – 3.35
- 10(64). Падение Парижа – 2.31

11(65). Русская речь	– 4.29
12(66). Песок	– 1.30
13(67). Старый принц	– 2.55
14(68). Отчий дом	– 2.08
15(69). Непрошенный гость	– 1.32
16(70). Возвращается ветер	– 2.11
17(71). Награда	– 1.29
18(72). За строчку	– 2.10
19(73). Черновик эпитафии	– 3.00
20(74). Жизнь прошла	– 2.32
<i>Общее время звучания – 50.16</i>	
<i>Общее время звучания – 190.43</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

1. О ЗЕМЛЕ И НЕБЕ

Ах как трудно улетают люди...
 Вот идут по трапу на ветру,
 Вспоминая ангельские лютни
 И тому подобную муру!

Улетают, как уходят в нети,
 Исчезают угольком в золе...
 До чего ж всё смутно людям в небе!
 До чего всё мило на земле!

Пристегните ремни! Пристегните ремни!
 Ну давай посошок на дорожку налей!
 Тут же ясное дело, темни не темни.
 А на поезде ездить людям веселей...

Пристегните ремни! Пристегните ремни!
 Не курить! Пристегните ремни!

И такой, на землю не похожий,
 Синий мир за взлётной крутизной:
 Пахнет небо хлоркою и кожей,
 А не тёплой горестью земной!

И вино в пластмассовой посуде
 Не сулит ни хмеля, ни чудес...
 Улетают, улетают люди
 В злую даль, за тридевять небес.

Пристегните ремни! Пристегните ремни!
 Помоги, дорогой, чемоданчик поднять!
 И какие-то вдруг побежали огни,
 И уже ничего невозможно понять.

Пристегните ремни! Пристегните ремни!
 Не курить! Пристегните ремни!

Люди спят, измученные смутой,
 Снятся людям их земные сны

Перед тою роковой минутой
Вечной и последней тишины.

А потом, отдав себя крушенью, -
Камнем вниз, не слушаясь руля!
И земля ломает людям шею,
Их благословенная земля.

Пристегните ремни! Пристегнись и замри!
Мы взлетели уже? Я не понял. А вы?
А в окно ещё виден кусочек земли
И немножко бетона, немножко травы...

Отстегните ремни! Отстегните ремни!
Навсегда отстегните ремни!

2. ПОСЛЕДНИЙ ПРОВОЖАТЫЙ

Шёл дождь, скрипело мироздание,
В дожде светало на Руси,
Но ровно в семь – без опоздания –
За ним приехало такси;

И он в сердцах подумал: «Вымокну!» -
И усмехнулся, и достал
Блокнот, чтоб снова сделать вымарку,
И тот блокнот перелистал.

О номера поминовения
Друзей и близких: А да Я!
О номеров исчезновение,
Его печаль – от А до Я:

От А трусливого молчания
До Я лукавой похвалы,
И от надежды до отчаянья,
И от Очана до Ейлы.

Здесь всё, что им навек просрочено,
Здесь номера – как имена,
И Знак Почёта, как пощёчина,
И шестидневная война.

И облизнул он губы синие,
И сел он наконец в такси...
Давно вперёд по красной линии
Промчались пасынки тоски.

Им не нужна его отметина –
Он им и так давно знаком.
В аэропорте «Шереметьево»
Он – как в Бутырках под замком.

От контражура законного

Ещё темней, чем от стыда.
Его случайная знакомая
Прошла наверх и – в никуда.

Ведь погорельцем на пожарище –
Для всех чужой и всем ничей –
Стоял последний провожающий
В кругу бессменных стукачей.

3. ПОСЛЕДНИЙ ПЕВЕЦ ИСХОДА

Уезжаете?! – Уезжайте
За таможи и облака!
От прощальных рукопожатий
Похудела моя рука.

Я не плакальщик и не стража
И в литавры не стану бить.
Уезжаете?! Воля ваша.
Значит, так посему и быть.

И плевать, что на сердце кисло,
Что прощанье – как в горле ком:
Больше нету ни сил, ни смысла
Ставить ставку на этот кон!

Разыграешься только-только,
А уже из колоды – прыг! –
Не семёрка, не туз, не тройка –
Окаянная дама пик!

И от этих усатых шатий,
От анкет и ночных тревог
Уезжаете?! – Уезжайте,
Улетайте. И – дай вам Бог!

Улетайте к неверной правде
От взаправдашних мёрзлых зон.
Только мёртвых своих оставьте,
Не тревожьте их мёртвый сон –

Там, в Понарах и в Бабьем Яре,
Где поныне и следа нет,
Лишь пронзительный запах гари
Будет жить ещё сотни лет!

В Казахстане и в Магадане,
Среди снега и ковыля,
Разве есть земля богоданней,
Чем безбожная та земля?!

И под мраморным обелиском

На распутице площадей,
Где, крещённых единым списком,
Превратила их смерть в людей!

А над ними шумят берёзы –
У деревьев своё родство,
А над ними звенят морозы
На Крещение и Рождество.

...Я стою на пороге года,
Ваш сородич и ваш изгой,
Ваш последний певец исхода,
Но – за мною придёт Другой!

На глаза нахлобучив шляпу,
Дерзкой рыбой, пробившей лёд,
Он пойдёт не спеша по трапу
В отлетающий самолёт!..

Я стою... Велика ли странность?
Я привычно машу рукой!
Уезжайте! А я останусь.
Я на этой земле останусь:
Кто-то ж должен, презрев усталость,
Наших мёртвых стеречь покой!

4. ЗАСЫПАЯ И ПРОСЫПАЯСЬ

Всё снежком январским припорошено,
Стали ночи долгие лютей...
Только потому, что так положено,
Я прошу прощенья у людей.

Воробьи попрятались в скворешники,
Улетели за море скворцы...
Грешного меня простите, грешники!
Подлого – простите, подлецы!

Вот горит звезда моя субботняя,
Равнодушна к лести и хуле...
Я надена чистое исподнее,
Семь свечей расставляю на столе.

Расшумятся к ночи дурни-лабухи –
Ветра и позёмки чертовня...
Я усну, и мне приснятся запахи
Мокрой шерсти, снега и огня.

А потом из прошлого бездонного
Выплывет озябший голосок –
Это мне Арина Родионовна
Скажет: «Нит гедайге, спи, сынок!

Сгнило в вошебойке платье узника,

Всем печалям подведён итог. ...
А над Бабьим Яром – смех и музыка.
Так что всё в порядке. Спи, сынок!

Спи! Но в кулаке зажди оружие –
Бедную Давидову пращу!»
...Люди мне простят – от равнодушия.
Я им, равнодушным, не прощу!

-----

* Слова «нит гедайге» по-еврейски означают «не печалься, не отчаивайся, не огорчайся».

5. ОПЫТ ПРОЩАНИЯ

Корабль готовится в отплытие,
Но плыть на нём – сойти с ума:
Его оснастку, как наитие,
Разрушат первые шторма.

И равнодушно ветры жаркие,
Не оценив его дебют,
Когда-нибудь останки жалкие
К чужому берегу прибьют!

Но вновь гуляют кружки пенные
И храбро пьют: за край Земли!
И корабельщики степенные
В дорогу ладят корабли.

...Вот он стоит, красавец писанный,
Готовый вновь нести свой крест, -
Уже и названный, и призванный,
Внесённый в Ллойдовский реестр.

И я с причала, полон нежности,
Машу рукою кораблю.
Позорным страхом безнадежности
Я путь его не оскорблю.

Пусть он услышит громы вечные,
Пусть он узнает счастье – быть.
И всё шепчу я строки вещи:
«Плывём... Плывём! Куда ж нам плыть?!»

6. ОТКРЫТЫЕ ВСЕМ ВЕТРАМ

Бились стрелки часов на слепой стене,
Рвался к сумеркам белый свет,
Но, как в старой песне, спина к спине
Мы стояли – и ваших нет!

Но, как в старой песне, спина к спине
Мы стояли – и ваших нет!

Мы доподлинно знали, в какие дни
Нам напасти, а им почёт:

Ибо мы были мы, а они – они,
А другие – так те не в счёт!

И когда нам на головы шквал атак:
То с похмелья, а то спьяна,
Мы опять-таки знали – за что и как,
И прикрыта была спина.

Ну а здесь, среди пламенной этой тьмы,
Где и тени живут в тени,
Мы порою теряемся: где же мы?
И с какой стороны они?

И кому подслащённой пилюли срам,
А кому – поминальный звон?
И стоим мы, открытые всем ветрам
С четырёх, так сказать, сторон!

И стоим мы, открытые всем ветрам
С четырёх сторон...

7. ВЕК БЕЖЕНЦЕВ

Нам бывшее прекрасное блещется,
И такие дали плывут...
Веком беженцев, веком беженцев
Наш двадцатый век назовут.

Рождество, Рождество, Рождество!
Вот куда привело торжество
Нас — из Чили, Сайгона и Бежицы...
Как справляется там Рождество?
Впрочем, что нам искать тождество?
Мы тождественны в главном – мы беженцы.

Мы бежали от подлых свобод,
И назад нам дороги заказаны.
Мы бежали от пошлых забот
Быть такими, как кем-то приказано.

8. НЕ ВСЁ ЛЬ РАВНО?

Мы по глобусу ползаем – полная блажь:
Что нам Новый Свет? Что нам Старый Свет?
Всё давно подсчитано баш-на-баш,
И ставок больше нет.

А ставок больше нет как нет,
А ставок больше нет.
И нам не светит Новый Свет,
И нам не светит Старый Свет.
А сколько нам осталось лет?
А ставок больше нет!

Там шумят чужие города

И чужое плещется вино...
Всё равно мы едем в никуда –
Так не всё ль равно?

Всё равно мы едем в никуда –
Так не всё ль равно?

«Ничего» - это «гурнышт» и здесь, и там.
И пора идти покупать билет.
Я бы отдал всё, только что я отдам,
Если ставок больше нет?

А ставок больше нет как нет,
А ставок больше нет.
И нам не светит Новый Свет,
И нам не светит Старый Свет.
А сколько нам осталось лет?
А ставок больше нет!

Тишина сомкнётся, как вода,
Только ветер постучит в окно.
Всё равно мы едем в никуда –
Так не всё ль равно?

Всё равно мы едем в никуда –
Так не всё ль равно?

Вот шарик запрыгал, вертлявый бес.
Угадать бы, какой он выберет цвет?
Только мы не играем на интерес,
Ибо ставок больше нет.

А ставок больше нет как нет,
А ставок больше нет.
И нам не светит Новый Свет,
И нам не светит Старый Свет.
А сколько нам осталось лет?
А ставок больше нет!

Понесут, как лошади, года.
Кто предскажет: что нам суждено?
Всё равно мы едем в никуда –
Так не всё ль равно?

Всё равно мы едем в никуда –
Так не всё ль равно?..

9. КАК-НИБУДЬ

Телефон, нишкни, замолкни!
Говорить охоты нет.
Мы готовимся к зимовке –
Нам прожить на той зимовке
Предстоит немало лет.

Может, десять, может, девять –
Кто подскажет наперёд?
Что-то вроде надо делать,
А вот то и надо делать –
Что готовиться в поход.

Будем в списке ставить птички,
Проверять по многу раз:
Не забыть бы соль и спички,
Не забыть бы соль и спички,
Взять бы сахар про запас.

Мы и карту нарисуем!
Скоро в путь!
Ничего, перезимуем!
Как-нибудь перезимуем.
Как-нибудь...

Погромыхивает еле
Отгулявшая гроза...
Мы заткнём в палатке щели,
Чтобы люди в эти щели
Не таращили глаза.

Никакого нету толка
Разбираться – чья вина?!
На зимовке очень долго,
На зимовке страшно долго
Длятся ночь и тишина.

Мы потуже стянем пояс –
Порастай беда былём!
Наша льдина не на полюс,
Мы подальше, чем на полюс, -
В одиночество плывём!

Мы плывём и в ус не дуем –
В путь так в путь!
Ничего, перезимуем!
Как-нибудь перезимуем.
Как-нибудь...

Годы, месяцы, недели
Держим путь на свой причал...
Но, признаться, в самом деле
Я добравшихся до цели
Почему-то не встречал.

Зажелтит заката охра,
Небо в саже и в золе
Сквозь зашторенные окна...
Строго смотрят окна в окна

Все зимовки на земле.

И не надо переклички –
Понимаем всё и так...
Будем в списке ставить птички...
Не забыть бы соль и спички, –
Сахар, мыло и табак.

Мы, ей-богу, не горюем.
Время – в путь.
Ничего, перезимуем!
Как-нибудь перезимуем.
Как-нибудь...

10. ПАДЕНИЕ ПАРИЖА

- Скажите, вам бывает страшно?
- Ты ищешь страх? – открой роман,
Читай: «От Эйфелевой башни
Бежит в испуге Мопассан...»

Она – проклятие Парижу,
Она – улыбка сатаны,
Париж – фиглярствующий рыжий,
Сосуд греха, дитя вины.

И к полю Марсову в восторге
Спешат кареты парижан.
Скорей откройте двери моргов!
Париж на лезвии ножа!

Он славит Эйфеля как Бога –
Спасайтесь от его чудес,
От смертоносного и злого
Нагромождения желез!

Но знаю – смертный день грядёт:
Когда на согрешивший город
Всем телом башня упадёт.

- Вам страшно? – Нет, ничуть не страшно!
- Ваш смех исчезнет навсегда,
Когда осколки этой башни
Вонзятся в ваши города.

Исчезнет Франция, как правда...

Нет, вы не спятили с ума,
Но вас никто не понимал.

- Скажите, вам бывает страшно?
Ты ищешь страх? – открой роман,
Читай: «От Эйфелевой башни
Бежит, спасаясь, Мопассан...»

11. РУССКАЯ РЕЧЬ

А было недавно, а было давно,
А даже могло и не быть...
Как много, на счастье, нам помнить дано,
Как много, на счастье, забыть!..

В тот год окаянный, в той чёрной пыли,
Омытые морем кровей,
Они уходили не с горстью земли,
А с мудрою речью своей.

И в старый-престарый прабабкин ларец
Был каждый запрягать готов
Не ветошь давно отзвеневших колец,
А строчки любимых стихов.

А их увозили («пока!») корабли,
А их волокли поезда...
И даже подумать они не могли,
Что это «пока» - навсегда.

И даже представить себе не могли,
Что в майскую ночь, наугад,
Они, прогулявшись по rue Rivoli,
Потом не свернут на Арбат,

И в дым переулков, навстречу судьбе,
И в склон переулков речных,
Где нежно лицо обжигают тебе
Лохмотья черёмух ночных.

Ну ладно, и пусть ни двора, ни кола,
И это Париж – не Москва,
Ты в окна гляди, как глядят в зеркала,
И слушай шаги как слова.

Я кланяюсь низко сумевшим сберечь,
Ронявшим легко, невзначай
Простые слова расставаний и встреч:
«О, здравствуй, мой друг!», «О, прощай!».

Вы их сохранили, вы их сберегли,
Вы их пронесли сквозь года!..
И снова уходят в туман корабли
И плачут во тьме поезда...

И в наших речах не звенит серебро,
И путь наш всё так же суров.
Мы помним слова «Благодать» и «Добро»
И строчки всё тех же стихов.

Поклонимся ж низко парижской родне,

Нью-йоркской, немецкой, английской родне
И скажем: «Спасибо, друзья!
Вы русскую речь закалили в огне,
В таком нестерпимом и жарком огне,
Что жарче придумать нельзя.

И нам её вместе хранить и беречь,
Лелеять родные слова.
А там, где жива наша Русская Речь,
Там – вечно – Россия жива!..»

12. ПЕСОК

Вспомни – на этих дюнах, под этим небом
Наша давным-давно началась судьба
С пылью дорог изгнания и с горьким хлебом,
Впрочем, за это тоже «тогда раба»!

Только ногой ты ступишь на дюны эти,
Болью, как будто пулей, прошьёт висок,
Словно из всех песочных часов на свете
Кто-то сюда веками свозил песок!

Видишь – по глади моря бегут морщинки,
Ветер волшебный запах из роц принёс,
Слышишь, как под ногою скрипят песчинки?
Сколько в одной песчинке утрат и слез!..

Сколько утрат, и горя, и лихолетий!
Скоро ль удастся нам подвести итог?
Словно из всех песочных часов на свете
Кто-то сюда веками свозил песок!

13. СТАРЫЙ ПРИНЦ

Карусель городов и гостиниц,
Запах грима и пыль париков...
Я кружу, как подбитый эсминец
Далеко от родных берегов.

Чья-то мина сработала чисто
И, должно быть, впервые всерьёз.
В дервенеющих пальцах радиста
Дребезжит безнадёжное SOS.

Видно, старость – жестокий гостинец:
Не повесишь на гвоздь, как пальто.
Я тону, поражённый эсминец,
Но об этом не знает никто!

Где-то слушают чьи-то приказы,
И на стендах анонсов мазня,
И стоят терпеливо у кассы
Те, что всё ещё верят в меня.

Сколько было дорог, и отелей,
И постелей, и мерзких простынь!
Сколько я разномастных Офелий
Навсегда отослал в монастырь!

Вот придворные пятятся задом,
Сыпят пудру с фальшивых седин.
Вот уходят статисты. И с залом
Остаюсь я один на один.

Я один! И пустые подмостки.
Мне судьбу этой драмы решать!..
И уже на галёрке подростки
Забывают на время дышать.

Цепеня от старческой астмы,
Я стою в перекрестье огня.
Захудалые, вялые астры
Ждут в актёрской уборной меня.

Было много их, нежных и сирых,
Знавших славу мою и позор.
Я стою и собраться не в силах,
И не слышу, что шепчет суфлёр.

Но в насмешку над немощным телом
Вдруг по коже – волненья озноб:
Снова слово становится делом
И грозит потрясеньем основ.

И уже не по тексту Шекспира
(Я и помнить его не хочу!),
Гражданин полоумного мира,
Я одними губами кричу:

«Распалась связь времён!..»

И морозец, морозец по коже,
И дрожит занесённый кулак,
И шипят возмущённые ложи:
«Он наврал! У Шекспира не так!»

Но галёрка простит оговорки,
Сопричастна греху моему.
... А в эсминце трещат переборки,
И волна накрывает корму...

14. ОТЧИЙ ДОМ

Ты не часто мне снишься, мой Отчий Дом,
Золотой мой, недолгий век,
Но всё то, что случится со мной потом,
Всё отсюда берёт разбег!

Здесь однажды очнулся я, сын земной,
И в глазах моих свет возник,
Здесь мой первый гром говорил со мной,
И я понял его язык.

Как же странно мне было, мой Отчий Дом,
Когда Некто с пустым лицом
Мне сказал, усмехнувшись, что в доме том
Я не сыном был, а жильцом.

Угловым жильцом, что копит деньги –
Расплатиться за хлеб и кров:
Он копит деньги – и всегда в долгу,
И не вырвется из долгов!

«А в сыновней верности в мире сём
Клялись многие, и не раз!» -
Так сказал мне Некто с пустым лицом
И прищурил свинцовый глаз.

И добавил: «А, впрочем, слукавь, солги –
Может, вымолишь тишь да гладь!..»
Но уж если я должен платить долги,
Так зачем же при этом лгать?!

И пускай я гроши наскребу с трудом,
И пускай велика цена,
Кредитор мой суровый, мой Отчий Дом,
Я с тобой расплачусь сполна!

Но когда под грохот чужих подков
Грянет свет роковой зари,
Я уйду, свободный от всех долгов,
И назад меня не зови.

Не зови вызволять тебя из огня,
Не зови разделить беду.
Не зови меня!.. Не зови меня!..
Не зови!.. Я и так приду!

15. НЕПРОШЕННЫЙ ГОСТЬ

Словно слёзы, по стеклу этот дождь.
Словно птица, ветка бьётся в окно.
Я войду к тебе, непрошенный гость,
Как когда-то – это было давно.

Закружатся на часах стрелки вспять,
Остановится всё время на век.
«Ты не спишь ещё, - спрошу я опять,
Мой единственный родной человек?»

Пусть не кажется тебе это сном,

И в стекло не ветка бьётся, а я.
Осторожно оглянись – за окном
Ты увидишь, как бредёт тень моя.

16. ВОЗВРАЩАЕТСЯ ВЕТЕР

За чужую печаль и за чьё-то незваное детство
Нам воздастся огнём и мечом, и позором вранья.
Возвращается боль, потому что ей некуда деться,
Возвращается вечером ветер на круги своя.

Мы со сцены ушли, но ещё продолжается действие:
Наши роли суфлёр дочитает, ухмылку тая...
Возвращается вечером ветер на круги своя,
Возвращается боль, потому что ей некуда деться.

Мы проспали беду, промотали чужое наследство,
Жизнь подходит к концу, и опять начинается детство,
Пахнет мокрой травой и махорочным дымом жилья.
Продолжается действие без нас, продолжается действие,
Продолжается боль, потому что ей некуда деться,
Возвращается вечером ветер на круги своя.

17. НАГРАДА

Кошачьими лапами вербы
Украшен фанерный лоток,
Шампанского марки «Ich Sterbe»*
Ещё остаётся глоток.

А я и пригубить не смею
Смертельное это вино.
Подобно лукавому змею,
Меня искушает оно!

«Подумаешь, пахнет весной,
И вербой торгуют враздрыг,
Во-первых строках, привозною,
И дело не в том, во-вторых.

Ни в медленном тлении вёсен,
Ни в тихом бряцанье строки,
Ни в медленном таянье вёсел
Над жёлтой купелью реки –

Ни лада, ни смысла, ни склада,
Как в громе, гремящем вдали,
А только и есть, что – ограда
Да мёрзлые комья земли.

А только и есть, что – ограда
Да склепа сырое жильё...
Ты смертен – и это награда
Тебе за бессмертье Твоё...»

«*Ich Sterbe*»* (нем.) – «Я умираю» - последние слова А.П.Чехова

18. ЗА СТРОЧКУ

Когда-нибудь некий историк
Возьмёт и напишет про нас,
И будет насмешливо горек
Его неспешный рассказ.

Напишет он с чувством и толком,
Ошибки учтёт наперёд,
И всё он расставит по полкам,
И всех по костям разберёт.

И вылезет сразу в серёдку
Та главная, наглая кость,
Как будто окурок в селёдку
Засунет опившийся гость.

Казалось, чего бы уж проще:
Отбросить её – и забыть!
Но в горле застрявшие мощи
Забвенья вином не запить.

А дальше – уж кости поплоше
Пойдут по сравнению с той.
Поплоше, но странно похожи
Бесстыдной своей наготой.

Обмылки, отгрызки, обноски,
Ошмётки чужого огня,
А в сноске (вот именно, в сноске!)
Помянет историк меня.

Так, значит, за эту вот строчку,
За жалкую каплю чернил
Воздвиг я свою одиночку
И крест свой на плечи взвалил?!

Так, значит, за строчку вот эту,
Что бросит мне время на чай,
Весёлому, щедрому свету
Сказал я однажды: «Прощай!»?!

И милых до срока состарил,
Беспечно шагнув за предел,
И любящих плакать заставил,
И слушать их плач не хотел?

Но будут мои подголоски
Звенеть и до Судного дня!..
И даже не важно, что в сноске
Историк не вспомнит меня.

19. ЧЕРНОВИК ЭПИТАФИИ

Худо было мне, люди, худо...
Но едва лишь начну про это,
Люди спрашивают: откуда?
Где подслушано? кем напето?

Дуралеи спешат смеяться,
Чистоплюи воротят морду...
Как легко мне было сломаться,
И сорваться, и спиться, к чёрту!

Не моя это вроде боль,
Так чего ж я кидаюсь в бой?
А вела меня в бой судьба,
Как солдата ведёт труба!

Тра-та-та, тра-та-та,
Тра-та-та...

Сколько раз на меня стучали
И дивились, что я – на воле.
Ну а если б я гнил в Сучане,
Вам бы легче дышалось, что ли?!

И яснее б вам, что ли, было,
Где по совести, а где – кроме?
И зачем я, как сторож в било,
Сам в себя колочусь до крови?

И какая, к чертям, судьба?
И какая, к чертям, труба?
Мне б частушкой по струнам в лёт,
Да гитара, как видно, врёт!

Трень да брень, трень да брень
Трень да брень...

А хотелось-то мне в дорогу –
Налегке, при попутном ветре:
Я бы пил молоко, ей-богу,
Я б в лесу ночевал, поверьте!

И шагал бы как вольный цыган,
Никого бы нигде не трогал:
Я б во Пскове по-птичьи б цыкал
И округло б на Волге окал.

И частушкой по струнам влёт,
Да гитара, как видно, врёт,
Лишь, мучительна и странна,
Всё одна дребезжит струна!

Дин-на-ден, дин-на-ден,

Дин-на-ден...

Понимаю, что просьба тщетна, -
Поминают поименитей:
Ну не тризною, так хоть чем-то,
Хоть всухую – да помяните!

Хоть за то, что я верил в чудо,
И за песни, что пел без склада,
А про то, что мне было худо,
Никогда вспоминать не надо!

И, мучительна и странна,
Всё одна дребезжит струна,
И приладиться к ней, к ничьей,
Пусть попробует кто ловчей!

А я не мог!

20. ЖИЗНЬ ПРОШЛА

Там, в заоблачной стране,
Мир и тишина,
Там – часами на стене –
На небе луна.
Проплывёт прозрачный звон,
Прогудят басы:
Знай, что это первый сон
Пробили часы.

Побледнеет небосклон,
Побледнеет небосклон,
Побледнеет небосклон,
Разойдётся мгла...
Первый сон, последний сон...
Вот и ночь прошла!

Жизнь без горя, без удач,
Счастье – на гроши,
Если вдруг раздастся плач
Плачут малыши...
Мир чудес и мир тревог
Где-то там, внизу.
Ну а нам поможет Бог
Переждать грозу.

Вот звенит прощальный звон,
Вот звенит прощальный звон,
Вот звенит прощальный звон,
Бьют колокола...
Первый сон, последний сон...
Так и жизнь прошла!..